

© В. С. Чураков

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ УДМУРТСКИХ РОДОВ

Появление в этнографической литературе интереса к проблеме удмуртской родовой системы, органично включающей в себя и проблему происхождения удмуртских родовых названий, по праву следует связать с именем священника и одновременно ученого и просветителя Николая Николаевича Блинова (1839–1917), который в одной из своих публикаций 1865 г., посвященной описанию быта нерусского населения Глазовского уезда Вятской губернии, впервые со всей определенностью заявил, что для изучения истории и культуры удмуртского народа важное значение имеет понимание сущности его родовой организации (Блинов 1865: 243). В последующем значительное число отечественных и зарубежных авторов (Б.Г. Гаврилов, В.С. Кошурников, Г.Н. Потанин, М. Бух, Н.Г. Первухин, И.Н. Смирнов, Н.И. Тезяков, В.Н. Харузина, Б. Мункачи, Г.Е. Верещагин, П.М. Богаевский, П.М. Сорокин, И.В. Васильев, С.К. Кузнецов, У. Хольберг, М.Г. Худяков, М.О. Косвен, Н.Я. Марр, М.Т. Маркелов, А. Хямляйнен и др.) обращало свое внимание на те или иные стороны "родового быта" удмуртов, не оставляя в стороне и вопрос о происхождении названий удмуртских родов.

Однако в настоящее время мы вынуждены констатировать, что почти за полутора-вековой период, в течение которого родковая система удмуртского традиционного общества находится в поле зрения исследователей, учеными так и не было предложено убедительного решения интересующей нас проблемы, а именно не выявлена лингвистическая модель, в соответствии с которой образованы названия удмуртских родов. Разделяемая в настоящее время многими исследователями и признаваемая "перспективной" (Владыкин 1994: 274) гипотеза М.Г. Атаманова, связывающая происхождение названий большинства удмуртских родов непосредственно с тотемистическими верованиями предков удмуртов, живших в эпоху "матриархата" (sic!), при ближайшем критическом рассмотрении оказывается основанной на целом ряде ошибочных суждений некоторых авторов последней четверти XIX – середины XX в., не сумевших дать верную интерпретацию накопленному этнографическому материалу и в значительной степени осложнивших решение самой проблемы созданной ими путаницей в употреблении удмуртских терминов *выжы* и *воршуд*.

Последствия этой терминологической неразберихи ощущаются до сих пор и выражаются, прежде всего, в употреблении сторонниками *воршудной теории*¹ понятия *воршуд* в значении 'материнский род'. В действительности же, в удмуртском языке словом *воршуд* обозначался дух предка-покровителя патрилинейного рода (удм. *выжы* 'род'). В самом названии духа предка-покровителя (*воршуд* < **vordem šud* 'пестованное счастье') отразилась забота об умершем предке, дух которого, по представлениям некрещеных удмуртов, покровительствовал потомкам (отсюда и его второе название *шуд вордьсь*, которое можно перевести как 'одаривающий счастьем', букв. 'рождающий счастье'). Смешение двух совершенно различных терминов, а также отход от взгляда на удмуртский род как на цепь сменяющих друг друга поколений, происходящих от одного мужского предка, на наш взгляд, являются основными причинами безуспешности многочисленных попыток объяснения происхождения удмуртских родовых названий. В настоящей статье мы предложим читателю критический обзор

Владимир Сергеевич Чураков – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (г. Ижевск).

всех когда-либо предлагавшихся решений данной проблемы, после чего постараемся обосновать свое видение ее решения.

Уже в 1733 г., проезжая во главе сухопутного отряда Великой Северной экспедиции по территории расселения удмуртов, Г.Ф. Миллер обратил внимание на следующий факт: "Они (удмурты. – В.Ч.), – писал профессор, – к именам некоторых деревень прибавляют слово Пилга, а к другим не прибавляют, чему они не причины показать, ни слова Пилга изъяснить не могут: но только объявляют, что оные места их предками так прозваны" (Миллер 1756: 39). Более прозорливым при решении схожей проблемы оказался И.Г. Георги, который прямо писал: "Вотяки и теперь наблюдают старинное свое разделение на *поколения*, или семьи (т.е. читай рода и их подразделения. – В.Ч.), и дают по тому деревням своим названия, как, например: *Сулоннеин Балги* (искаж. удм. *Сюлоньёр-Пельга*, где *Сюлоньёр* название реки. – В.Ч.), т.е. Сулонны от Балгского поколения" (Георги 1799: 48). Безусловно, сейчас вполне очевидно, что Г.Ф. Миллер и И.Г. Георги обратили внимание на отражение в топонимии названия одного из удмуртских родов, однако поскольку сама проблема удмуртской родовой системы и тесно связанной с нею вопрос о происхождении родовых имен еще не были сформулированы, привлечение внимания ученых явление вошло в их работы лишь в качестве "примечания".

Целенаправленные же исследования по затронутой нами теме развернулись лишь с 70-х гг. XIX столетия, когда удмуртская родовая организация, после публикации Н.Н. Блинова, стала объектом специального изучения. Однако направление научных изысканий в этот период приняло весьма своеобразный характер: родовую систему удмуртов стали изучать не на прямую, чему к тому же препятствовало отсутствие ранних исторических источников, а опосредованно, через наиболее очевидные ее проявления в виде родовых культов. В результате, исследователи заметили, что разные родовые группы удмуртов при обращении к "божеству" *воршуд* упоминают различные имена. Например, зачин молитвенного обращения (удм. *куриськон*) мог начинаться "*Бигра воршудэ...*", "*Чабья воршудэ...*" и т.д. Справедливо видя в *воршуде* духа-покровителя тех лиц, которые ему поклоняются, некоторые исследователи совершенно ошибочно сочли, что слово, стоящее перед термином *воршуд*, является личным именем духа-покровителя, которое переносится и на почитающих его людей (Гаврилов 1880: 160–161; Богоевский 1888: 39–40; его же 1890: 116–117)². Иными словами, названия удмуртских родов-*выжы* рассматривались в качестве *производных* от личных имен их *воршудов*, чем и объясняется появление в литературе понятия *воршудное имя*. При этом Б.П. Гаврилов, отмечая, что значение названий *воршудов* "неизвестно", тем не менее высказал следующую мысль: "Можно полагать, – писал он, – что они (воршуды. – В.Ч.) получили свои имена от счастливых по понятию вотяков женщин". Насколько адекватно автором было отражено "понятие" удмуртов, можно судить по его следующим словам: "Ныне у вотяков трудно добиться какого-нибудь *самостоятельного* (выделено нами. – В.Ч.) мнения или понятия о *воршудах*" (Гаврилов 1880: 160).

Совершая в 1881 г. поездку по южной окраине Вятской губернии, населенной преимущественно удмуртами, Г.Н. Потанин, как в свое время и Г.Ф. Миллер, обратил внимание на "странные", по его мнению, "как-будто заимствованные из чужого языка" имена, встречающиеся в составных названиях удмуртских деревень и урочищ. Исследователем было отмечено, что своими окончаниями они "похожи на имена некоторых *воршудов*, приводимых г. Гавриловым". "На это иногда совершенно полное сходство названий урочищ с именами *воршудов*, – продолжал автор, – можно смотреть отчасти как на помеху предположению, что эти странные имена чужды вотякскому языку; они могут быть архаическими вотякими формами, сохранившимися вследствие своего важного значения без изменения, тогда как другие формы постоянно изменя-

лись" (Потанин 1884: 190–191). Этим выводом Г.Н. Потанин как бы признавал ошибочность предложенных им самим, явно надуманных, сопоставлений "странных имен" с созвучными словами мордовских, татарского и "варяжского" языков.

Исключительно историографический интерес представляет суждение о происхождении разных имен *воршудного божества*, высказанное в частной беседе с Н.Г. Первухиным о. Иоанном Утробиным, который, видя в самом *воршуде* некий скрытый родовой талисман, полагал, что его названия у разных групп удмуртов связаны с местами, в которых тот ими укрывался. Впрочем, как пишет Н.Г. Первухин, Утробин "не мог указать (даже и примерно) значение ни одного из воршудных имен" (Первухин 1888: 51).

Ничем не обоснованное предположение о женском характере так называемых *воршудных имен*, высказанное Б.П. Гавриловым (см. выше), получило широкое распространение в работах исследователей. В этой связи особый интерес представляют "Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда" Н.Г. Первухина, где эта гипотеза получает свое дальнейшее развитие. Вместе с тем, необходимо особо обратить внимание читателя на изменение содержания термина *воршудное имя* автором "Эскизов". По представлению Н.Г. Первухина: «"Воршуд" значит родовое божество (Лар древних римлян), у каждого рода носящее родовое название чрез прибавление к общему понятию "Воршуд" имени родоначальника, или (едва ли не скорее) родоначальницы». Далее автором утверждалось наличие у удмуртов родов, состоящих исключительно из женщин, происходящих от одной родоначальницы, причем обозначались якобы эти роды также словом *воршуд*. Таким образом, очевидно, что, употребляя термин *воршудное имя*, Н.Г. Первухин вкладывал в него отличный, нежели, к примеру, Б.П. Гаврилов, смысл, а именно – это название рода, состоящего исключительно из лиц женского пола, происходящих от одной родоначальницы, имя которой и выступает в качестве родового (ср. «Значение слова "Воршуд" есть – род, поколение, – относящееся исключительно к лицам женского пола. Это – фамилия матери, переходящая через дочку ко внучке и таким образом сохраняемая в потомстве» (Первухин 1888: 18–19, 37)). Адекватную оценку вышеприведенным построениям Н.Г. Первухина, которые до сих пор пользуются поддержкой ряда авторов, еще в конце XIX в. дал в своей, к сожалению не увидевшей свет по причине смерти автора, работе вятский краевед П.М. Сорокин. Назвав рассуждения Н.Г. Первухина "непоследовательными и путанными", он высказал сожаление, что ради "предвзятой идеи" был "неправильно истолкован собранный богатый материал" (ГАКО: 4об, 6).

Значительные усилия для постижения "тайны" удмуртских родовых названий приложил И.Н. Смирнов. Он первым подметил двусмысленность употребления исследователями понятия *воршудное имя*. «Иногда говорят о воршудном имени, как о родовом прозвище, – писал он, – иногда говорят об "имени воршудного божества", которое передается поклоняющемуся ему роду» (Смирнов 1890: 139). Позиция самого исследователя однозначно выражена в следующих словах: "Воршудное имя представляется прозвищем рода, переносимым и на его покровителя, гения-хранителя счастья". В принципе избрав верный подход, более того, отмечая, что в пермских языках «люди, связанные кровным родством, обозначались терминами "корень" (*vyži, viž*)», И.Н. Смирнов тем не менее продолжил традицию употребления термина *воршудное имя* в значении 'название рода'. Относительно же собственно происхождения названий родовых имен им было высказано три гипотезы: 1) одна группа родовых имен образована от личных имен родоначальниц, в чем автор видит "обломок древнего материнства" (в основе этой гипотезы лежали выводы главным образом Н.Г. Первухина, а также результаты неудачного анализа удмуртских терминов родства, проведенного самим И.Н. Смирновым (Setälä 1900)); 2) вторая группа родовых имен образована от личных имен родоначальников; 3) "По крайней мере, – считает И.Н. Смирнов, – часть

родовых имен произошла от названий рек, на которых поселялись роды". Пытаясь выяснить, какие же антропонимы лежат в основе родовых названий, И.Н. Смирнов, используя метод формального звукового соответствия, пришел к выводу, что подавляющее большинство удмуртских родовых имен "необъяснимы из вотского языка и должны быть отнесены к категории заимствованных и вероятнее всего у чуди" (Смирнов 1890: 25, 38–39, 138–140). В число "чуждых" имен И.Н. Смирнов включил те, которые, по его мнению, имели окончания *-си*, *-чи*, *-зи*. Однако следует сразу же заметить, что указанные "окончания", выделенные на основании "анализа местных названий", присущи русифицированным формам удмуртских топонимов (напр.: удм. *Какся* > рус. *Какси*, удм. *Ятча* > рус. *Ятчи*, удм. *Шуджа* > рус. *Шудзи* и т.д.) и, таким образом, не представляют какой-либо пользы в деле решения проблемы происхождения названий удмуртских родов. Столь же беспочвенны утверждения исследователя о "речных" корнях некоторых родовых имен.

Оригинальной, но весьма далекой от действительности была и версия происхождения интересующих нас названий, предложенная в 90-е гг. XIX в. уже упомянутым в начале нашей статьи Н.Н. Блиновым. Автор, не видя в *воршуде* ни родового духа-покровителя, ни собственно рода, обозначающего им термином *выжы*, и используя при реконструкции религиозных представлений удмуртов диалектное слово *вужшуд*³, которое, по его мнению, выражает некое представление о "старых добрых временах", возвращения которых удмурты испрашивают у *Инмара* (верховного бога), тем не менее употребляет в своей работе термин *воршудное имя* в значении 'название рода', не забывая, впрочем, отметить, что это делается вследствие сложившейся в этнографической литературе традиции (Блинов 1898: 14). Собственно же географическая распространенность одних и тех же родовых имен, по мнению Н.Н. Блинова, возникла в результате образования новых починков и выселков, жители которых, в целях сохранения счастья (*вужшуд*), которым располагали их предки, старались отразить в названиях новых селений имя старого. Как полагал Н.Н. Блинов, часть названий изначальных селений могла образоваться путем прибавления к словам, характеризующим местность, или именам собственным основателей селений, форманта *-га*, связанного якобы с удмуртским словом *гу* 'яма'. Такое сопоставление объяснялось тем, что либо вокруг селений было много ям и оврагов, либо его основатель жил в "яме", т.е. землянке (Блинов 1898: 42). Несмотря на малоубедительный характер всей вышеописанной схемы, эта версия была признана некоторыми авторами в качестве вполне приемлемой для объяснения родовых имен, оканчивающихся на слог *-га* (Худяков 1920: 5; Бушмакин 1969: 169).

К числу уже рассмотренных "окончаний", выделенных в структуре удмуртских родовых имен, М.Г. Худяков в одной из своих ранних работ, затрагивающих обсуждаемую проблему, присовокупил еще два: *-йа* и *-ра*⁴. Если от выделения последнего, впрочем, он скоро отказался, поскольку пришел к заключению, что «звук "р" относится к первой составной части имени», то первое окончание он попытался сопоставить с якобы зафиксированным в словаре коми языка Г.С. Лыткина словом *йй*, которое кроме ординарного значения 'мясо', якобы еще выражало понятия 'ветвь, потомство, племя' (в действительности Г.С. Лыткиным для коми *jaј* отмечены значения 'мясо, тело, плоть' (Лыткин 1889: 61)). Приведенные далее этимологии типа *Шудья* 'счастливое племя', *Удья* 'вотское племя', *Бодья* 'пастушеское (или луговое) племя' и т.п. (Худяков 1920: 6–7) свидетельствуют, что исследователь не склонен был видеть в родовых названиях отражения имен или прозвищ родоначальников, как это делали, например, Н.Г. Первухин, И.Н. Смирнов, Н.Н. Блинов и др. Позиция автора – "первичным понятием является род, а затем уже название его было перенесено на возникшее позднее понятие женщины-родоначальницы и богини счастья"⁵ – в дальнейшем позволила ему

с легкостью принять концепцию тотемического происхождения названий удмуртских родов.

Собственно первым исследователем, выдвинувшим тезис о тотемическом характере удмуртских родовых названий и употребившим термин *воршуд* в значении 'род' как "коммунистическая ячейка" первобытного общества, стал удмуртский этнограф В.А. Максимов, автор компилятивного сочинения "Вотяки" (1925). «Среди названий воршудов, перечисленных Первухиным, – писал он, – мы видим "юсь", что означает по русской терминологии – лебедь. В отношении остальных названий о их значении сейчас судить очень трудно. Возможно, в будущем установить удастся и это, сравнением аналогичных слов родственных вотскому, языков пермятского и зырянского. Но одно название "юсь" (лебедь) дает нам уже некоторую возможность судить о тотеме (покровителе) лебеде» (Максимов 1925: 80–81). Поверхностность данного суждения очевидна, и именно от этого в свое время предостерегал однофамилец В.А. Максимова – русский этнограф А.Н. Максимов, проанализировавший характер употребления термина *тотемизм* в научной литературе и пришедший к выводу, что он превратился в "убежище, к которому можно без дальнейших околичностей обратиться". В статье "Тотемизм", подготовленной для энциклопедического словаря "Гранат", А.Н. Максимов в частности писал, что у подавляющего большинства народов Сибири «столь же мало оснований считать тотемическими роды, называющиеся по животным, как и наши фамилии "Барановы", "Волковы", "Медведевы", "Петуховы" и т.п.» (Максимов 1997: 107, 471).

Однако это принципиальное замечание, а также перекликавшееся с ним высказывание М.Т. Маркелова (Маркелов 1927: 411) в рецензии на книгу Н.Н. Поппе и Г.А. Старцева "Финно-угорские народы" (Л., 1927): "Не всякая зоолатрия будет пережитком тотемистических представлений", – остались незамеченными: поиск тотемов в названиях родовых имен удмуртов продолжили М.Г. Худяков и Д.К. Зеленин. При этом первый, в отличие от В.А. Максимова употребляя в отношении удмуртских родов термин *выжы*, окончательно отошел от их восприятия как социального института, в основе которого лежит генеалогический принцип, и, увлекшись идеями Н.Я. Марра о "тотемической" стадии развития языков, попытался при помощи "нового учения о языках" решить проблему названий удмуртских родов, что вылилось в характерную для яфетидологии спекуляцию на тему "четырёх элементов" (РНБ 1: 1; РНБ 2: 1–50б). Для Д.К. Зеленина термин *воршуд* помимо обозначения "одного из дохристианских демонов" и лубяного короба, хранившегося в *куале* – молитвенном доме некрещеных удмуртов, имел значение еще и "родового имени" (sic!), которое было связано, по мнению исследователя, с основным "растительным тотемом материнского рода" и "элементами животных тотемов". Умозрительные рассуждения автора об эволюции значений термина *воршуд* иллюстрировались примерами, описывающими использование тех или иных видов растений при религиозных обрядах, и фонетическими соответствиями, носящими преимущественно характер омонимии, отдельных родовых имен с некоторыми названиями животных в удмуртском языке (АУИ)⁶.

Сходный подход к решению проблемы во многом свойственен авторам конца 60-х гг. XX в. – Г.А. Архипову и С.К. Бушмакину, которые употребляют термин *воршуд* в значении 'материнский род' (Архипов 1969; Бушмакин 1969; его же 1970а). Первый из них, не считая возможным видеть в выделенных предшественниками "окончаниях" родовых (воршудных по его терминологии) имен самостоятельные слова, высказал предположение, что все они являются вариантами суффикса обладания, который "почему-то выступает то в форме *-а*, то *-я*, то *-га(-ка)*, и очень редко в форме *-ес*".

С середины 70-х гг. проблемой происхождения названий удмуртских родов стал заниматься М.Г. Атаманов. Одни из первых результатов своих изысканий он опубликовал на страницах журнала "Советское финно-угроведение", где впервые появляется

столь активно употребляемый сейчас термин *воршудно-родовое имя* (Атаманов 1977), которому в удмуртском тексте предшествовал конструкт *выжы-воршуд ним* (Атаманов 1974). В более развернутом виде концепция автора была отражена в кандидатской диссертации "Этнонимы удмуртов в топонимии" (1978) и последующих публикациях, в числе которых и его последняя обобщающая работа "По следам удмуртских воршудов" (Атаманов 2001). Нет необходимости разбирать все оплошности в представлениях автора по проблеме удмуртской родовой организации, оказавших существенное влияние на ход его рассуждений, остановимся только на лингвистической составляющей его концепции. Фактически подход М.Г. Атаманова является логическим завершением использования метода выделения "окончаний" в структуре удмуртских родовых имен: более 70 родовых названий по своим "окончаниям" были распределены по 9 группам (в 10 группу вошли "составные микроэтнонимы"). Другими словами, все варианты "окончаний" или, что более правильно, все варианты конечных слогов (!) были безосновательно объявлены "архаическими суффиксами зоонимов, восходящими к уральской или финно-угорской языковой общности", которые присоединяются к названиям "птиц, зверей, насекомых и рыб – предполагаемых тотемов рода". При этом автора не смущает, что в ряде случаев применение его методики приводит к искажению морфологической структуры этимологизируемого названия, не говоря уже о том, что в основу подавляющего большинства предложенных им этимологий положен принцип формального соответствия "очищенного" от форманта родового имени тому или иному апеллятиву какого-либо уральского, включая "чудский" (sic!), языка. Очевидно, что такой подход к решению проблемы не мог привести к положительным результатам, однако в опубликованной рецензии на диссертацию официального оппонента В.К. Кельмакова методика М.Г. Атаманова названа "простой, удобной и рациональной" (Кельмаков 1979: 204).

Первым критическим отзывом на методы работы М.Г. Атаманова стала статья венгерского исследователя Козмача Иштвана "Az udmurt vorsud-nevekröl" ("Об удмуртских воршудных именах") (Kozmács 1986). Автор, отмечая морфологические нестыковки в работе М.Г. Атаманова, сразу же отбрасывает большую часть суффиксов, оставляя *-ja*, *-ga*, *-a*. Венгерский ученый возводит первые два суффикса соответственно к прауральскому **j* и прафинно-угорскому **nk*. Относительно суффикса *-a* говорится о его родстве с суффиксом прилагательных современного удмуртского языка *-o < *-a*. Однако, пытаясь объяснить происхождение удмуртских родовых названий исключительно на основе лингвистических данных (затрагивая вопрос о правомерности характеристики удмуртских родов как тотемических и матриархальных, Козмач оставляет его открытым), он фактически совершает логическую ошибку, поскольку, не определив сущность удмуртских родов, невозможно говорить о лингвистической модели, лежащей в основе их названий.

Между тем, верное представление о происхождении удмуртских родовых названий впервые было сформулировано еще в 80-е гг. XIX в. Г.Е. Верещагиным, который справедливо полагал, что члены рода ведут свое начало "от какого-нибудь древнего родоначальника", имя или прозвище которого выступает в качестве обозначения его потомков. В качестве примера он приводит предание удмуртских крестьян ряда деревень Сосновской волости Сарапульского уезда Вятской губернии, согласно которым род *Пупъя* ведет свое начало от некоего Ожмега, прозванного *Пуппы* < удм. *пуппы* 'лутошка' (Верещагин 1995: 107, 108; его же 1996: 82). Поскольку исследователь специально не занимался проблемой происхождения названий удмуртских родов, он оставил без объяснения причины перехода *Пуппы* в *Пупъя*. Это попытался сделать удмуртский исследователь И.В. Васильев, который высказал предположение, что данное родовое имя образовано путем прибавления к прозвищу удмуртского аффикса

соответственного падежа *-йа* (орф. *-я*). Таким образом, получалось, что члены рода Пупъя жили как бы в соответствии с обычаями их предка Пуппы (Васильев 1917: 73).

Ближе всего к верному решению проблемы подошел уже упоминавшийся выше П.М. Сорокин, и приходится только сожалеть, что подготовленная к публикации, прошедшая цензуру работа "О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков", в которой дается взвешенная и объективная критика сторонников удмуртского "матернитета", так и не увидела свет. Вдвойне прискорбно, что эта работа, знакомая удмуртским исследователям, не оказала какого-либо влияния на их отношение к так называемым "пережиткам матриархата", несмотря на то, что их подробный анализ дал повод П.М. Сорокину категорически заключить – «под теорией "матернитета" нет почвы». Уже по сложившейся традиции употребляя термин *воршудное имя* в значении 'название рода', П.М. Сорокин отмечал: "Воршудное имя есть имя родоначальника или родоначальницы, заслуживших особый почет и поэтому давших повод к прославлению себя в своем прямом потомстве... воршудное имя не есть непременно имя, а может быть и прозвищем родоначальника". О структуре удмуртских родовых названий говорилось: "При обзоре приведенных названий бросается в глаза общее у большинства окончание *а* или *я*, составляющее какой-то особый суффикс... Представляю знатокам финских наречий судить о моей догадке, но я считаю эти звуки *а* и *я* несомненно суффиксами 1) притяжательного значения и 2) значения богатства, изобилия какого-нибудь свойства". Приведя несколько вполне приемлемых этимологий, П.М. Сорокин писал: "Я не теряю надежды, что филолог с сведениями в языках сумеет дать смысл и объяснить из вотского языка и все остальные воршудные имена" (ГАКО: 6, 8–9об.). Надежда исследователя не оправдалась: лингвисты, которым оставалось уточнить, что за суффикс, на который впервые обратил внимание еще М. Бух (*Buch* 1882: 136), скрывается под "загачным" общим "окончанием", предпочли проигнорировать наблюдения П.М. Сорокина.

Переходя к изложению наших взглядов по обсуждаемой проблеме, еще раз напомним читателю, что удмуртский род-*выжы* представляет собой по вертикали ряд сменяющихся поколений, происходящих по мужской линии от вполне конкретного, чем-то памятного человека, имя которого служит для общего наименования всех его потомков. Соответственно по горизонтали удмуртский род предстает в лице всех одновременно живущих людей, признающих себя потомками одного человека, и чем дальше по времени находится конкретный горизонтальный срез от той эпохи, в которой жил основатель рода, тем менее тесными узами связаны его члены. Как правило, быстрее всего, буквально в первых нисходящих поколениях, утрачиваются экономические связи и общность поселения, что на практике выражается в разделе старого дворохозяйства. Напротив, дольше всего сохраняется идеологическое единство, обусловленное поклонением предку-родоначальнику, дух которого, по представлениям его потомков, может оказывать влияние на их судьбу. Естественное разрастание рода ведет к его сегментации и образованию ряда новых ветвей рода, получающих название по своим основателям и т.д. Так образуется целая иерархия родов, причем человек, находящийся в основании подобного "генеалогического древа" и уже даже неосознаваемый в качестве реально существовавшей персоны, также, безусловно, являлся членом какого-то рода, имя которого стерлось из памяти далеких потомков⁷.

Лингвистическим средством выражения принадлежности человека к тому или иному роду являлось родовое имя, в основе которого лежал эпоним, т.е. имя или прозвище основателя рода. В современном удмуртском языке существует несколько способов образования названий родов: 1) путем прибавления к имени предка слова *выжы* 'род' (*Гондыр выжы*, *Андрей выжы*), 2) прибавлением к имени предка слова *ни* 'сын; потомок' (*Быдыти*, *Андрейни*), 3) через прибавление к имени предка или через прибавление к имени рода, образованного в соответствии со вторым примером, показате-

ля множественного числа *-ёс(-ос)* (*Гондырёс, Быдытиос*). К числу указанных возможностей следует прибавить еще один вариант, ныне уже не употребляющийся. Удмуртский показатель множественного числа, который, как указано в последнем примере, используется в образовании родовых имен, не имеет параллелей в других уральских языках и относится вместе с коми *-яс(-ас)* к числу относительно молодых, возникших не ранее общепермской эпохи. Однако, по наблюдениям лингвистов, в общепермском языке существовало еще не менее трех древних окончаний множественного числа, одно из которых *-а* до сих пор употребляется в коми-пермяцком языке в качестве собирательного множественного числа (*Серебренников* 1963: 85, 89).

Нам представляется, что и в группе ранних удмуртских родовых имен нашел отражение этот суффикс⁸, который в функциональном плане соответствует, к примеру, германским родовым суффиксам *-ing, -ung* (ср. *Caroling*) и славянским *-ичи, -овичи* (ср. *Рюриковичи*). В пользу данного предположения свидетельствуют такие родовые имена, как: *Юбэр-а Удэг-а*, а также отмеченные для родовых прозвищ *Бигра, Поска* формы *Бигер-а, Посек-а* (*Первухин* 1888: 39), где *Юбэр, Удэг, Бигер, Посэг* – это удмуртские мужские антропимы (ср. *Юберь* Бектамышев, *Удешко* Бырдычев, *Бигер* Вася, *Исуп Посегов*). Прибавляясь к эпониму, оканчивающемуся на гласный, суффикс собирательного множественного числа провоцировал появление вставочного *-й-* (*Грамматика...* 1962: 45–46), после чего оказавшийся в слабой позиции гласный производной основы выпадал (напр. *Кибйа* (орф. *Кибъя*) < *Кибы* + *-а*), а в случаях, когда в ауслауте антропима находился *-и*, он мог непосредственно перед суффиксом *-а* перейти в *-й* (напр. *Бёдьйа* (орф. *Бёдья*) < *Бёди* + *-а*), подобно тому, как это происходит в сходных условиях в языке коми (*Серебренников* 1963: 90). Если показатель собирательного множественного числа прибавлялся к мужскому антропиму, который оканчивался на согласный, то предшествовавший ему гласный, оказавшийся в слабой позиции, также в большинстве случаев выпадал, а следующий согласный испытывал действие закона регрессивной ассимиляции, напр.: *Пельга* < *Пельэг* (орф. *Пелег*) + *-а*, *Можга* < *Мошэг* + *-а* (*Грамматика...* 1962: 34–35, 37–38). В этой связи хотелось бы отметить догадку А.С. Кривошековой-Гантман о возможной связи мужских имен, образованных при помощи суффикса *-эг(-ог)*, с родовыми названиями, оканчивающимися на слог *-га* (*Кривошекова-Гантман* 1976: 93). Однако ее предположение, что в парах типа *Пелег ~ Пельга, Пудэг ~ Пудга* и т.д. родовое имя является исходным для мужского антропима, не позволило исследовательнице вскрыть действительные отношения, существующие между ними. Последующие фонетические изменения, как то: изменение качества гласных (напр. *Пудга* < *Подга* < *Подэг* + *-а*, *Пурга* < *Порга* < *Порэг* + *-а*), ассимиляция инлаутным согласным последующего *-й* (напр. *Кушйа* < *Кушйа* (орф. *Кушъя*) < *Кушэй* + *-а*, *Шудъя* < *Шудйа* (орф. *Шудъя*) < *Шудэй* + *-а*) – происходили в соответствии с нормами удмуртского языка. Таким образом, родовые имена не были застывшими формами, как это в свое время представлялось Г.Н. Потанину.

Итак, проблема удмуртских родовых названий теснейшим образом связана с выяснением имени родоначальника и выявлением его семантики, что в условиях отсутствия ранних письменных источников вызывает определенные трудности. Однако, как нам представляется, предложенный выше подход к анализу удмуртских родовых имен в целом вряд ли вызовет существенные нарекания. Ниже мы приводим список удмуртских родов, названия которых образовались в соответствии с рассмотренной моделью. После родового имени, выделенного жирным шрифтом, приводится мужской антропоним (сокр.: *м. а.*), от которого оно могло образоваться. Далее, в качестве иллюстрации, данный мужской антропоним указывается в том варианте, в котором он встречается в материалах переписей XVII–XVIII вв., либо в работах исследователей⁹. В случае, если нам приходится восстанавливать исходное имя, мы отмечаем его звезд-

дочкой (*), после чего указываем родственную основу, сохранившуюся в том или ином апеллятиве удмуртского языка:

Апъя < м. а. *Апый* < Абдуррахман
Бигра < м. а. *Бигер*: Бигер Вася
Бия < м. а. *Бий*: Бишка Асанов
Ббдъя < м. а. *Ббди*: Будка Бодин сын
Ббня < м. а. *Ббни*: Ббни
Булда < м. а. *Булат*: Булат Кулин
Вамъя < м. а. **Вамей*: ср. удм. *ваменэс* 'упрямый'. Основа *вам-*
Вортча < м. а. **Ворттьсь*: ср. удм. *ворттьсь* 'наездник'
Дукъя < м. а. **Дукей*: ср. удм. *дукес* 'зипун'.
 Основа *дук-*
Дурга < м. а. *Дурэг*: Дурек
Жикъя < м. а. **Жикей*: ср. удм. *жикым* 'аккуратный'. Основа *жик-*
Занка < м. а. *Занэг*: Зянешко
Зезья < м. а. *Зезей*: Зезей
Кибъя < м. а. *Кибь*: Кибя Люлин
Конъя < м. а. *Конег*: Сенка Конегов
Котъя < м. а. **Котъ*: ср. удм. *кот* 'живот; толстяк'
Кушъя < м. а. *Кушэй*: Кушей
Можга < м. а. *Мошэг*: Васка Мошегов
Нбылга < м. а. **Нбылэг*: ср. удм. *нбылыны* 'глотать'. Основа *нбыл-*

Омга < м. а. *Омиг*: Омигешко
Пельга < м. а. *Пелег*: Пелег Зянбеков
Поска < м. а. *Посэг*: Тец Посеков сын
Пудга < м. а. *Подэг*: Падег Максимов
Пупъя < м. а. *Пупты*: Пупты
Пурга < м. а. *Порэг*: Сергушка Порегов сын
Сурма < м. а. **Сурым*: ср. удм. *сурым* 'прясло'
Сбълта < м. а. **Сбълыт*: ср. удм. *сбълыт* 'стренога'
Сюра < м. а. **Сюр*: ср. удм. *сюр* 'рог'
Тукля < м. а. *Тукулы*: Тукул
Туръя < м. а. *Турэй*: Турейко Юшкетов
Удъя < м. а. *Удэй*: Удейко Чурин
Ужега < м. а. *Ужэг*: Буякей Ужегов сын
Уча < м. а. **Утьсь*: ср. удм. *утьсь* 'хранитель'
Чабъя < м. а. *Чабый*: Чабьи
Чудна < м. а. *Чудын*: Чудын
Шудъя < м. а. *Шудэй*: Шудейко Сабанбеев
Эбга < м. а. **Эбек*: ср. удм. *эбек* 'лягушка'
Эгра < м. а. **Эгыр*: ср. удм. *эгыр* 'уголь'
Юбера < м. а. *Юбер*: Юберко Чужеков
Юмъя < м. а. *Юмей*: Дзюмейка Бекбулатов
Ятча < м. а. *Ядыч*: Ядычко Едегаров

Примечания

¹ Этим условным термином мы обозначаем систему взглядов по проблеме удмуртской родовой организации, которая в наиболее полном виде представлена в работах В.Е. Владыкина и М.Г. Атаманова. Подробнее см.: (Чураков 2003).

² Впрочем, П.М. Богаевский так и не смог до конца определиться в вопросе, что чему предшествовало – название божества названию почитающего его рода или название рода переносилось на почитаемое его членами божество. Там, где автор высказывает свое мнение, он говорит: "Каждый род имел своим покровителем особое божество – Воршуд или Мудор, которому он и давал свое имя", однако несколькими строчками ниже, следуя за Б.П. Гавриловым, П.М. Богаевский пишет "некоторые имена объясняются народом как названия давно забытых богинь женщин... Богини эти, говорят вотяки, были чрезвычайно богаты и сильны, поэтому род, носивший их имя, отличался силою и могуществом" (Богаевский 1888: 40). На это противоречие во взглядах П.М. Богаевского обратил внимание еще И.Н. Смирнов (Смирнов 1890: 139).

³ Диалектное слово *вужшуд* (букв. 'старое счастье'), как и вариант *вожшуд* (букв. 'зеленое (молодое) счастье'), возникли вследствие деэтимологизации исходной формы **vordem sud* > *воршуд*. Таким образом, нельзя согласиться с выводом Н.Н. Блинова, что «"воршуд" есть испорченное составное слово "вуж-шуд"» (Блинов 1898: 15).

⁴ Неточность автора – в своей работе (Худяков 1917: 37) он выделял 4 группы окончаний *-йа*, *-га*, *-си*, *-та*, тогда как позднее утверждал, что в этой работе им были определены окончания *-йа*, *-га*, *-си*, *-ра* (Худяков 1920: 7).

⁵ Данная формулировка М.Г. Худякова (Худяков 1920: 348) выявляет сложное переплетение его собственных представлений с выводами Б.П. Гаврилова и Н.Г. Первухина. И хотя ученый занимает в споре о первичности названия рода или названия родового божества, сторону при-

верженцев приоритета родового названия, однако он, как видно, исключает возможность того, что названия родов связаны с именами родоначальников.

⁶ Рукопись Д.К. Зеленина "Происхождение воршуда" была опубликована М.Г. Атамановым под названием "Что такое воршуд?" в сборнике "Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии", Ижевск, 1980. С. 118–132, однако, издатель не учел авторскую правку текста и сделал ряд произвольных сокращений, о чем не счел нужным упомянуть, что, естественно, снижает ценность подобной публикации, заставляя обращаться непосредственно к архивным материалам.

⁷ Вообще, следует отметить, что у дефиниции род, родовая система в этнографической литературе нет четкого значения, что, на наш взгляд, является следствием неудачного применения терминологии одного типа социальной организации для обозначения реалий другого, качественно отличного от первого. Так, мы полагаем целесообразным для общностей с классификационной системой родства возродить предложенное еще в середине XIX в. Г. Скульскрэфтом понятие *тотемической системы*, тогда как для обществ с описательной системой, в которых родство прослеживается по мужской линии, сохранить собственно понятия *род, клан, генс, тейп, выжы* и т.п. Это приведет не только к разграничению различных явлений, но и позволит избежать переноса черт одних демографических подразделений на другие. В таком случае логичным будет полагать, что *тотемизм* как явление духовной жизни будет присущ обществам, обладающим *тотемической системой*, в рамках которой приоритетным является групповое (горизонтальное) родство, выраженное в терминологии, относящейся к классификационной системе, тогда как для обществ с приоритетом генеалогического (вертикального) родства, отраженного в терминах описательной системы, вполне закономерным будет обнаружение *культы предков* (Коробейников и др. 2006).

⁸ Судя по преданию, записанному Г.Е. Верещагиным, основатель рода *Путья* был современником Бектемира, который жил на рубеже XVI–XVII вв. (Документы... 1958: 189). Из этого можно сделать вывод, что суффикс собирательного множественного числа -а употреблялся при образовании названий родов еще в XVII в.

⁹ Для общего ознакомления с удмуртской антропонимией мы советуем прочитать работы С.К. Бушмакина (Бушмакин 1970б) и Т.И. Тепляшиной (Тепляшина 1978).

Источники и литература

- Архипов 1969 – Архипов Г.А. Удмуртские этнонимы // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969. С. 239–243.
- Атаманов 1974 – Атаманов М.Г. Экспедицилен сюресъёсыз // Молот. 1974. № 11. С. 45–47.
- Атаманов 1977 – Атаманов М.Г. Этимологии некоторых воршудно-родовых имен удмуртов // Советское финно-угроведение. 1977. Т. XIII. № 1. С. 25–30.
- Атаманов 2001 – Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск, 2001.
- АУИ – Архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. РФ. Оп. 2-Н. Д. 426а. ЛЛ. 5–24. Рукопись: Зеленин Д.К. Происхождение воршуда. Ленинград, 1948 г.
- Блинов 1865 – Блинов Н.Н. Инородцы северо-восточной части Глазовского уезда // Вятские губернские ведомости. 1865. № 63.
- Блинов 1898 – Блинов Н.Н. Языческий культ вотяков, Вятка, 1898.
- Богаевский 1888 – Богаевский П.М. Очерк быта Сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. 3. 1888. С. 14–64.
- Богаевский 1890 – Богаевский П.М. Очерки религиозных представлений вотяков // Этнографическое обозрение. 1890. Кн. 4. № 1. С. 116–163.
- Бушмакин 1969 – Бушмакин С.К. Воршудные имена и удмуртская топонимия // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969. С. 166–176.
- Бушмакин 1970а – Бушмакин С.К. Воршудные имена – микроэтнонимы удмуртов // Этнонимы. М., 1970. С. 168–176.
- Бушмакин 1970б – Бушмакин С.К. Лексико-семантический анализ древнеудмуртских антропонимов // Антропонимика. М., 1970. С. 267–276.
- Васильев 1917 – Васильев И.В. Языческие имена вотяков // Известия общества изучения Прикамского края. Вып. 1. Сарапул, 1917. С. 27–28, 73–75.
- Верещагин 1995 – Верещагин Г.Е. Собрание сочинений. Т. I. Ижевск, 1995.
- Верещагин 1996 – Верещагин Г.Е. Собрание сочинений. Т. II. Ижевск, 1996.
- Владыкин 1994 – Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.
- Гаврилов 1880 – Гаврилов Б.Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880.

- ГАКО – Государственный архив Кировской области. Ф. 170. Оп. 1. Ед. хр. 127. ЛЛ. 1–23. Рукопись: *Сорокин П.М.* О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков (с изображением знаков собственности в тексте и отдельной таблицей). Вятка, 1895.
- Георги 1799 – Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... Ч. 2. СПб., 1799.
- Грамматика... 1962 – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.
- Документы... 1958 – Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / сост. П.Н. Луппов. Ижевск, 1958.
- Кельмаков 1979 – Кельмаков В.К.* [рец.] *Атаманов М.Г.* Этнонимы удмуртов в топонимии. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Тарту, 1978. // Советское финно-угроведение. 1979. Т. XV. № 3. С. 202–206.
- Коробейников и др. 2006 – Коробейников А.В., Чураков В.С.* О реликтах тотемизма у удмуртов // Демидовские чтения на Урале: Тезисы докладов. Екатеринбург, 2006. С. 357–358.
- Кривошекова-Гантман 1976 – Кривошекова-Гантман А.С.* Фамилии от имен на -ог, -ег // Ономастика Поволжья. Вып. 4. Саранск, 1976. С. 91–94.
- Лыткин 1889 – Лыткин Г.С.* Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889.
- Максимов 1925 – Максимов В.А.* Вотяки. Краткий историко-этнографический очерк. Ижевск, 1925.
- Максимов 1997 – Максимов А.Н.* Избранные труды. М., 1997.
- Маркелов 1927 – Маркелов М.Т.* [рец.] *Поппе Н.Н., Старцев Г.А.* Финно-угорские народы. Л., 1927 // Этнография. 1927. № 2. С. 410–412.
- Миллер 1756 – Миллер Г.Ф.* Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно: черемисов, чувашей и вотяков // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. Июль. СПб., 1756. С. 33–64.
- Первухин 1888 – Первухин Н.Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I. Вятка, 1888.
- Потанин 1884 – Потанин Г.Н.* У вотяков Елабужского уезда // Известия общества археологии, истории и этнографии. Т. 3. Казань, 1884. С. 189–259.
- РНБ 1 – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 828. Д. № 12. ЛЛ. 1–8. Рукопись: *Худяков М.Г.* Программа для собирания материалов по родовому быту удмуртов во время научной поездки в Ижевский уезд летом 1930 г. Ленинград, 1930 г.
- РНБ 2 – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 828. Д. № 5. ЛЛ. 1–60б. Рукопись: *Худяков М.Г.* Названия удмуртских родов... Ленинград, не ранее 1930 г.
- Серебренников 1963 – Серебренников Б.А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Смирнов 1890 – Смирнов И.Н.* Вотяки. Казань, 1890.
- Тепляшина 1978 – Тепляшина Т.И.* Антропонимические модели пермских языков. М., 1978.
- Худяков 1917 – Худяков М.Г.* Древности Малмыжского уезда // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вып. 1–2. Отд. III. Вятка, 1917. С. 1–59.
- Худяков 1920 – Худяков М.Г.* Вотские родовые деления // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XXX. Вып. 3; Т. XXXI. Вып. 1. Казань, 1920. С. 339–354, 1–18.
- Чураков 2003 – Чураков В.С.* К критике воршудной теории // Финно-угроведение. 2003. № 2. С. 3–18.
- Buch 1882 – Buch M.* Die Wotjäken: Eine ethnologische Studie. Helsingfors, 1882.
- Kozmács 1986 – Kozmács István.* Az udmurt vorsud-nevekről // Dvinán innen, dvinán túl. Jubileumi tanulmányok. Studia uralo-altaica supplementum 2. Szeged, 1986. С. 76–87.
- Setälä 1900 – Setälä E.N.* I. N. Smirnow's undersuchungen über die ostfinnen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1900. Vol. XVII. С. 17–27.

V.S. Churakov. From the History of Studying Udmurt Clan Names

The author traces the course of studying Udmurt clan names and critically reviews approaches that used to be employed in research on this problem. He particularly stresses that the hypothesis connecting Udmurt clan names to the names of clan totems should be considered ungrounded. He also objects to the idea of seeing the origin of the Udmurt clan system in the so called matriarchal period. The author argues that the system is based on the patrilineal clan (vyžy), and that Udmurt clan names were formed in accordance with a particular linguistic model, which is illustrated on more than forty examples.